

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
УДК 811.511.1'373.21 + 811.511.1'282 +
+ 81:39 + 811.511.11 + 811.511.151

В. В. Напольских

¹ Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

² Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Россия

А. В. Савельев

¹ Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

² Институт языкознания РАН

³ Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

МАРИ, МЕРЯ, МУРОМА — ИСТОРИЯ ЭТНОНИМОВ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ

В работах А. К. Матвеева, О. В. Смирнова и др. надежно обоснована старая гипотеза о родстве мерянских языков (сегодня представляется возможным говорить о целой группе языков или диалектов, реконструируемых на базе субстратной топонимии Центральной России: ростовском мерянском, костромском мерянском и муромском, или «нижнеклязьминском») с марийским. В статье рассматривается дискуссия, ведущаяся в данной области; отмечается, что современная реконструкция прамарийского вокализма, базирующаяся, в частности, на учете истории марийско-тюркских контактов, безусловно, подкрепляет эту гипотезу. Авторы предлагают вариант схемы родословного древа финно-пермских языков с включением марийско-мерянской группы и других реконструированных по данным

© Напольских В. В., Савельев А. В., 2023

субстратной топонимии мертвых финно-пермских языков. Однако, поскольку результаты анализа субстратного топонимического материала, на которых базируется реконструкция мерянских языков, всегда по природе своей остаются в известной мере дискуссионными, авторы предлагают обратиться к анализу этнонимии. В статье рассматривается давно (М. А. Кастрен) отмеченное сходство этнонимов *мари* и *меря*, а также *мурома*, исходя из того, что во всех случаях отражены самоназвания. С привлечением данных по историческому вокализму марийского и тех особенностей вокализма мерянского и муромского языков, которые можно извлечь из топонимического материала, реконструируются праформы мар. **mārə*, мер. **mārə*, муром. **mūrə*, возводимые к общей мар.-мер. **mārə*, которую, как это уже принято в финно-угроведении, предлагается возводить к какому-то рефлексу арийского **marya-* ‘юноша, молодой воин, член молодежного воинского союза’ (авторы намерены рассмотреть проблемы арийского источника данного этнонима в отдельной статье). Реконструкция общего для марийцев, мери и муромы этнонима **mārə* служит сильнейшим аргументом не только в пользу близости языков марийско-мерянской группы, но и указывает на тесные этнические связи носителей этих языков и их общее происхождение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субстратная топонимия; этнонимия; мерянский язык; марийский язык; меря; мари; мурома; финно-пермские языки

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

После работ А. К. Матвеева [2001а; 2015а; 2015б] представления об особой близости реконструируемого по данным субстратной топонимии мерянского языка (точнее языков) с марийским отрицать, по-видимому, не приходится [Смирнов, 2015; Напольских, 2016]. Попытки выразить скептическое отношение к этой гипотезе по сути бессодержательны и сводятся к общим словам и отсылке к расхождениям национальных научных школ, ср.: «российские исследователи связывают мерянский с марийским, а финские подчеркивают схождения мерянского с финским» [Saarikivi, 2022, 32] с характерным завершением: «many details are unclear» <многие детали остаются неясными>, — и с симптоматической ссылкой на сочинения О. Б. Ткаченко (см. прим. 1 ниже) [Там же]). Возможно, финским авторам и правда проще сблизить мерянский с финским (начиная, видимо, с возражений П. Равилы М. Фасмеру — отчасти, впрочем, вполне основательных [Ravila, 1940]), но меряно-марийская гипотеза базируется на фактах, а не на мнимой тенденциозности российской науки, да и российские ученые в сущности только оформили и развили старую точку зрения [Castrén, 1856, 16; Vasmer, 1935; Фасмер, 2, 606; Zsirai, 1937/1994, 275].

Из скептических оценок возможностей мерянской реконструкции на базе топонимических материалов наибольший интерес представляет обсуждение этой темы в работах А. Альквист, дискуссия которой с А. К. Матвеевым была

предметной и чрезвычайно содержательной. Основное общее положение, отстаиваемое А. Альквист, состоит в том, что границы исторических мерянских земель (далее — ИМЗ) весьма неопределенны, менялись со временем, а привязка тех или иных топоформантов к мерянскому языку только на основании распространения их на ИМЗ недостаточно обоснована прежде всего потому, что нет никаких оснований отрицать существование домерянских (скорее всего, в основном финно-угорских, но, возможно, и иных, например балтских) субсубстратных топонимических пластов на ИМЗ. Сложность дифференциации собственно мерянского и домерянских пластов усугубляется еще и тем, что субсубстратная топонимия прошла через «мерянский фильтр». Поэтому исследовательница утверждала, что, прежде чем решать проблему выявления именно мерянских данных, нужно провести тщательнейший сбор самого топонимического материала, и видела основную проблему именно в недостаточном объеме и качестве первичных топонимических данных, находящихся в нашем распоряжении [Альквист, 1997, 22–23; 2000]. Оба положения — и о наличии субсубстратных домерянских пластов топонимии, и об эмбриональном состоянии не только изучения, но и сбора топонимического материала в Европейской (да и Азиатской) России за пределами зоны Русского Севера, охваченной экспедиционной работой, которая велась А. К. Матвеевым и его школой, — совершенно справедливы. Однако означает ли это, что возможен только сверхосторожный, а точнее скептический, подход ко всяким попыткам реконструкции мерянского языка на основе топонимики?

По мнению А. Альквист, критерий для первичного выделения мерянских основ, предлагаемый А. К. Матвеевым, — встречаемость форманта на ИМЗ (и на Русском Севере) и отсутствие на других территориях — ненадежен, потому что, «позволяя себе отождествление топонимии Мерянской земли лишь с топонимией Русского Севера, мы по какой-то непонятной причине оставляем в стороне остальную часть Средней России, не говоря уже о других (бывших) финно-угорских территориях» [Альквист, 1997, 24]. Возражение очень странное, свидетельствующее скорее о каком-то непонимании аргументации оппонента: А. К. Матвеев вовсе не отказывался от рассмотрения других финно-угорских территорий, а именно предлагал опираться на характерные для ИМЗ топоформанты, отсутствующие на этих других территориях. В самом деле, если зоны распространения таких специфических топоформантов, как *-бол* ‘*селение’ или *яхр-* ‘*озеро’, практически совпадают с ИМЗ (это признает с некоторыми оговорками и А. Альквист [2000, 18]) и действительно нигде более за пределами этого ареала (за исключением отдельных островков на Русском Севере, объяснимых поздним переносом) в массовом порядке не встречаются, то каковы могут быть доводы против того, чтобы считать их мерянскими? И далее — почему нельзя расширять состав мерянских формантов за счет тех, которые системно сочетаются с *-бол* и *яхр-* и т. д., как это делал А. К. Матвеев? Теоретически, конечно, мыслима ситуация, когда вся территория ИМЗ (и странным образом только она) содержит

субсубстратный (домерянский) пласт, который был хорошо сохранен в мерянской топонимии, но восходит не собственно к мерянскому, а к другому, более древнему, языку. Однако исходя хотя бы из общего принципа методологического редуционизма, обсуждение такой гипотезы следует признать целесообразным только в случае наличия каких-то специальных аргументов против мерянской принадлежности дорусской топонимии ИМЗ. Если же таких аргументов нет (или пока их не представлено), в качестве рабочей гипотезы следует иметь в виду именно мерянскую аттестацию этих данных. Таким образом, проблема состоит не в невозможности развертывания исследования в связи с ограниченностью материала, а в том, стремимся ли мы или осмеливаемся ли мы анализировать уже имеющийся материал и делать возможные на данный момент выводы, ведь отсылка к недостаточности материала всегда будет иметь право на существование, а выводы, если они неверны, с накоплением материала могут быть скорректированы.

Для иллюстрации этих теоретических положений хочется вернуться к примеру, когда один из авторов данной статьи склонен поддержать версию А. Альквист в ее споре с А. К. Матвеевым. Происхождение названий крупнейших озер ИМЗ *Неро* А. К. Матвеев выводит из мер. **ner-* < **mer-* ~ фин. *meri* ‘море’ [Матвеев, 2015а, 139–142], отвергая предлагаемую А. Альквист субсубстратную этимологию из **(i)ń-jer(o)* ‘большое озеро’ (с опорой скорее на мордовские языки: эрз. *ine* ‘большой’, *eʹrke* ‘озеро’ ~ мар. *jer* ‘озеро’ при мер. **jāχr* / **jāyr* ‘озеро’ > *яχр-/яγр-* в русской передаче) [Альквист, 2000, 20]. Почему в данном случае субсубстратная версия имеет право на существование? Потому что в пользу ее есть существенные аргументы. Во-первых, предлагаемое А. К. Матвеевым развитие **m-* > **n-* не имеет никаких причин и возможность его не подтверждается другими мерянскими данными. Во-вторых, названия *Неро* принадлежат крупнейшим озерам, и именно в названиях крупных географических объектов чаще сохраняются древние формы. В-третьих, наконец, название оз. *Неро* (ростовского) нельзя рассматривать отдельно от названий рек *Нерль* (р. *Большая Нерль*, приток р. Волга, и р. *Малая Нерль*, приток р. Клязьма), связанных с этим озером и с водными путями от него, которые также могут этимологизироваться на основе мордовских параллелей: **(i)ń-jer(o)-le(j)* ‘река большого озера’ (эрз. *leʹj* ‘река’). Ареал гидронимов на *-лей/-ляй* лежит за пределами ИМЗ, на территориях бывшего проживания мордвы, поэтому гидроним *Нерль* на мерянском фоне выглядит как инвазивный, не имеет там хороших параллелей, и это дает основания предполагать, что до мерянского на ИМЗ был распространен язык, входящий, возможно, в мордовскую группу.

В данной статье мы, таким образом, исходим из принципиальной возможности реконструкции мерянских данных на уже имеющемся на сегодня материале, основы чего, на наш взгляд, заложены в последней монографии А. К. Матвеева [2015а]. Сделанные им и в принципе подкрепляемые последующими исследованиями О. В. Смирнова [2015] выводы позволяют, как представляется, в качестве основы для дальнейшего продвижения работы — хотя бы на уровне

предварительной декларации, которая, безусловно, прежде всего должна служить поводом для дискуссии, — сформулировать наши представления о конкретном месте мерянского на генетическом дереве уральской семьи. Если он составлял собственную особую ветвь, как нередко утверждалось ранее¹, то необъяснимым выглядит большое число разительных сходств именно с марийским материалом — причем не только лексических, но и указывающих на ряд специфических фонетических изоглосс, сепаратно объединяющих марийский и мерянский. Если же принимать положение о специфической близости мерянского и марийского языков (что, на наш взгляд, выглядит очень правдоподобно), то необходимо адекватно интерпретировать либо опровергнуть некоторые сепаратные лексические параллели, которые, исключая марийский, объединяют мерянский с географическими отдаленными от него ветвями, в частности с прибалтийско-финской и саамской. В некоторых таких случаях речь может идти об ошибочном приписывании мерянскому языку топонимического материала прибалтийско-финского типа (что вполне возможно при работе с северной периферией мерянского ареала). Принимать же такие параллели допустимо лишь в том случае, если сепаратные лексические схождения мерянского языка и отдаленной ветви принципиально интерпретируемы как сохранение прауральского архаизма, замещенного в марийском в результате позднейших контактов.

Исходя из этого, полагаем возможным предложить схему родословного древа финно-пермских языков, включающую мерянские, а также другие субстратные языки, реконструированные А. К. Матвеевым на основании топонимии Русского Севера (см. рис. 1).

Для географической репрезентации мерянских языков, включенных в данную схему, приводим карту из ранней статьи А. К. Матвеева, в которой уже был достаточно ясно определен ареал «нижнеклязьминцев» (соответствующий, видимо, летописной *муроме*), а также наметились ареалы ростовской и костромской мери (рис. 2); карту наиболее показательных топоформантов ИМЗ, позволяющих дифференцировать нижнеклязьминский (муромской), ростовский мерянский и костромской мерянский ареалы (рис. 3)²; итоговую схему примерной локализации трех мерянских языков (рис. 4).

¹ Точка зрения, эксплицитно яснее всего выраженная, видимо, в работах О. Б. Ткаченко [2007, 12, 123–125], где она, однако, базировалась на материалах, извлеченных в значительной степени из русских диалектов и арготических языков, интерпретация которых почти всегда небесспорна.

² Упоминаемая в разных работах и отмечаемая как отдельный народ на картах в школьных учебниках *Мещера* представляет собой название области в правобережье Нижней Оки, топоним, за которым нет оснований видеть какую-нибудь этническую общность — начиная с первого упоминания его у Иордана (**Mordens in Miscaris* ‘мордов в Мискарах’ [Getica, 116]) и заканчивая позднейшими русскими источниками. Единственное возможное этнонимическое приложение этого топонима — название татар-*мишарей* (*mišār*), сформировавшихся в позднем Средневековье на территории исторической Мещеры [см.: Яковлева, 1999; Напольских, 2018, 15–20].

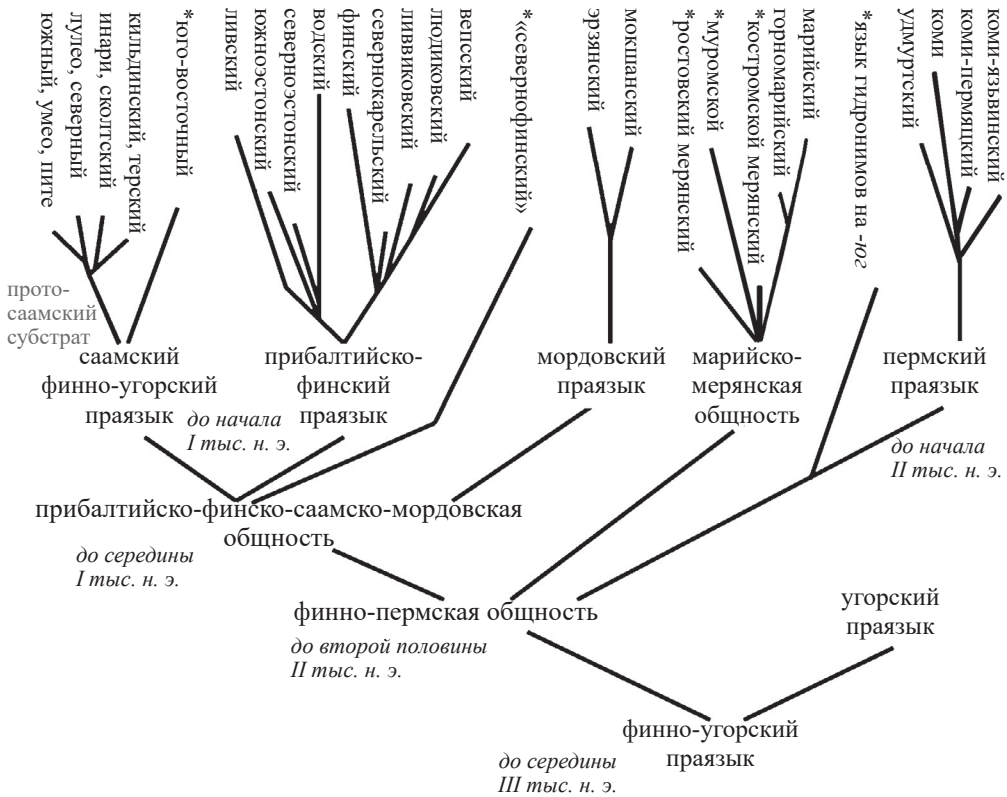

Рис. 1. Родословное древо финно-пермских языков с учетом мерянской группы и некоторых других языков, реконструированных по данным субстратной топонимии Восточной Европы [по: Матвеев, 2001б; 2004; 2007а; 2007б; 2015а]

Мертвые языки обозначены астериском. Угорские языки на схеме не показаны.

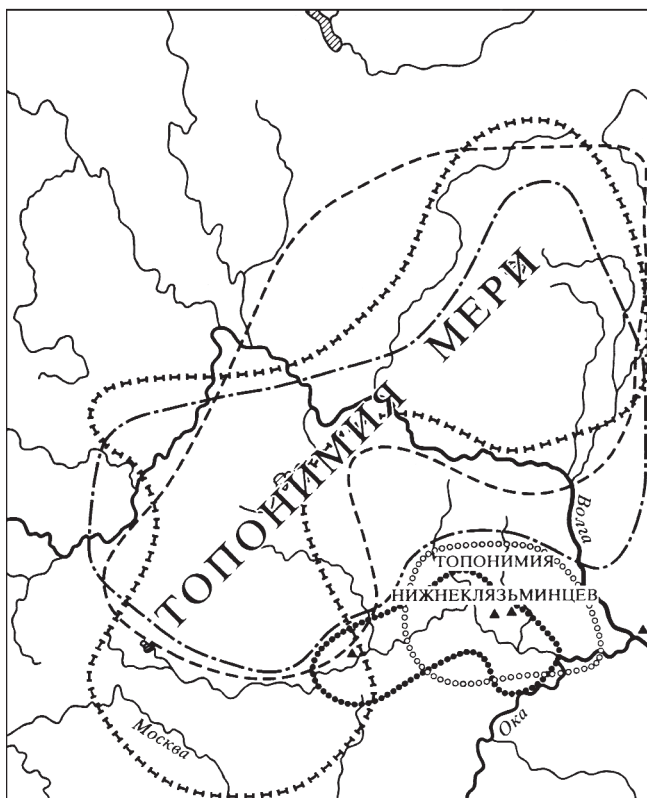
Протосаамский субстрат — палеоевропейский(е) язык(и) древнего населения Фенноскандии, ассимилированного носителями финно-угорского саамского праязыка, принадлежавшего саамско-прибалтийско-финско-мордовской общности.

Юго-восточный саамский — мертвые языки юга Финляндии и Карелии, Приладожья, Прионежья и Русского Севера, родственные саамским, но не испытавшие влияния протосаамского субстрата.

Севернофинский — языки дорусского населения междуречья Ваги, Сухоны и Северной Двины, принадлежавшие (по А. К. Матвееву) саамско-прибалтийско-финско-мордовской общности, но не входившие ни в одну из исторически известных ее групп.

Марийско-мерянская общность и ее составляющие — см. текст статьи.

Язык гидронимов на -юг (южанский) — языки дорусского населения восточных районов Вологодской и Костромской областей, бассейна р. Юг и северо-западных районов Кировской области, которые авторы, дискутируя с А. К. Матвеевым, склонны сближать с пермскими языками.

- Этнотопонимы, производные от меря
- .-.- Топонимы с основой яхр
- — Ойконимы на бал, бол
- ооооо Гидронимы на Vх
- Гидронимы с формантом (V)хр(V) в нижнем и среднем течении Клязьмы
- ▲ Лимнонимы с основой юхр

Рис. 2. Основные топонимические ареалы ИМЗ по А. К. Матвееву [2001a, 57]

Определив, таким образом, нашу позицию по мерянской проблеме в целом, хотелось бы сделать еще несколько предварительных замечаний относительно состояния мерянской исследований и их возможностей. Сегодня для понимания мерянского материала очень слабо используются достижения марийской исторической грамматики (хотя бы фонетической реконструкции Г. Березки [Berezcki, 2013] — при всех серьезных нареканиях к качеству ее проработки). Между тем уже можно предварительно сказать, что новые исследования по марийской

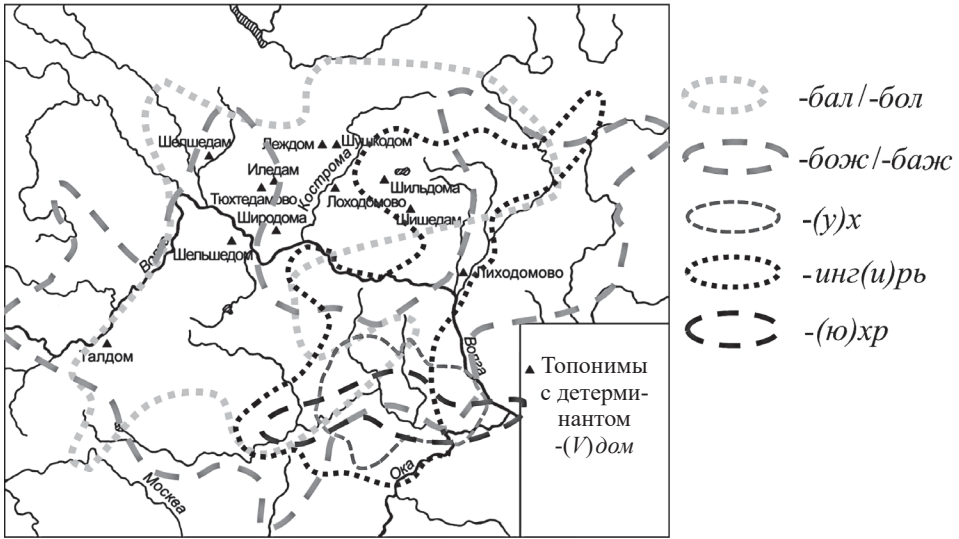

Рис. 3. Основные дифференцирующие топоформанты мерянских языков по А. К. Матвееву [2015а]

Рис. 4. Схема трех основных мерянских языковых ареалов (на базе данных, отраженных на рис. 3)

исторической фонетике только усиливают, а не подрывают тезис о близком родстве мерянского и марийского языков³. Аналогичным образом остаются неучтенными достижения последних 20 лет в области фонетической реконструкции уральского праязыка (прежде всего в работах А. Айкио и М. А. Живлова). Наконец, практически не инкорпорированы в данную область достижения сравнительно-исторической тюркологии, в частности чувашеведения. При этом огромное количество чувашизмов в марийской лексике служит отличным ограничителем для фантазии исследователя при отождествлении меряnskих и марийских лексем. В текущем состоянии мерянистики одной из наиболее проблемных точек остается широкое распространение анахроничных этимологий, привлекающих к объяснению мерянского материала марийские слова, относительно поздно заимствованные из чувашского.

На текущем этапе исследований едва ли решаем вопрос об истоках фонетической вариативности в мерянском топонимическом материале. В принципе она может отражать как диалектное разнообразие языка (языков)-источника, так и своеобразие фонетической адаптации в разных зонах русского заселения. Кроме того, фонетически близкие варианты топонимов могут в части случаев иметь разные этимоны, но выявить такие случаи очень сложно. Множественность возможных объяснений при рассмотрении параллельных фонетических вариантов должна учитываться при анализе топонимического материала, поскольку и в итоговые интерпретации, и в выводы она вносит значительную долю сомнительности.

Топонимические исследования в принципе оставляют огромное пространство для произвольных толкований, поскольку приписывание основам топонимов определенной семантики неизбежно носит в той или иной мере спекулятивный характер. В связи с этим в работе топонимиста необходимы суровые методологические самоограничения. И все же всегда остается открытым вопрос о том, можно ли объяснить конкретный субстратный материал достаточно правдоподобным

³ Приведем в качестве иллюстрации лишь некоторые из основ, вид которых в марийском и надежно интерпретируемом мерянском материале оказывается достаточно своеобразным на фоне прауральского источника и, как правило, значительно отличается от облика тех же основ в других уральских ветвях: ПУ **pāšnā* (традиционно **pākšnā*) > ПМар. **pīštā*, мер. *necmV*, *nucmV* = **pestā* ~ **pistā*; ПУ **lämpi* 'теплый' > ПМар. **lë(j)βä*, мер. *лебV*, *левV* = **leβä*; ПУ **čilmä* (традиционно **šilmä*) 'глаз' > ПМар. **šin-čä* 'глаз; родник', мер. *синча*, *синжа* = **šin-žä* и т. д. Здесь и далее прамарийские формы даются в обновленной реконструкции, результаты работы над которой были предварительно доложены одним из авторов на Ностратическом семинаре в ноябре 2022 г. [Savelyev, 2022], а также на XVIII Старостинских чтениях в марте 2023 г. [Savelyev, 2023]. В настоящее время эта реконструкция готовится к публикации в журнальном формате. Основное отличие от традиционного взгляда на историческую фонетику марийского языка заключается в том, что для прамарийской системы гласных первого слога реконструируется оппозиция между напряженными (**ü*, **ǖ*, **i*, **ē*, **ö*) и расслабленными (**o*, **y*, **ɪ*, **e*, **ɔ*) гласными. Напряженные гласные появляются чаще всего (но не исключительно) в позиции перед историческими глайдами **w*, **j*, являющимися рефлексами целого ряда прауральских медиальных согласных, для которых традиционная реконструкция постулирует полное исчезновение в марийской ветви.

образом даже после наложения указанных ограничений. Прежде всего, нельзя относиться к мерянскому лексическому корпусу как к равномерному множеству с точки зрения надежности идентификации его элементов и, соответственно, их роли в реконструкции языка-субстрата. Общее число корневых морфем, отождествляемых с мерянским языком по данным свода [Матвеев, 2015а], может быть оценено примерно в 250 единиц, из них больше сотни встречаются в доступном для анализа материале лишь один-два раза. В этих случаях зачастую нельзя быть уверенным даже в правильности сегментации топонима.

В целом исследование субстратного материала должно быть, видимо, сосредоточено вокруг конкретных групп лексем, которые позволяют выйти за пределы области чистых спекуляций. Представляется, что одной из важнейших таких групп является этнотопонимика (и, соответственно, этнонимия), поскольку она напрямую позволяет соотнести некоторую территорию с ареалом исторического народа и таким образом ограничивает произвольность толкований семантики.

В свете предлагаемой связи мерянских языков с марийским, а также их территориального соседства⁴ имеет смысл попытаться выйти за пределы исключительно топонимического материала и рассмотреть давно замеченное сходство этнонимов *меря*, *мурома* (связывая это название с «нижнеклязьминцами» А. К. Матвеева) и *мари* на предмет возможности их общего происхождения. Предпринимая попытку интерпретировать фрагмент мерянского и муромского лексикона на основе предположения о специфической близости этих языков к марийскому, мы считаем, что все еще бытующий в мерянистике подход — апеллирование к данным разных уральских ветвей сразу — во многом обесмысливает интерпретацию, поскольку резко снижает надежность любых сравнений. Если предполагается, что мерянский и муромский были специфически близки марийскому, то мерянская (муромская) форма должна быть принципиально возводима к общему прамарийско-мерянскому предковому состоянию.

Впервые сопоставил этнонимы *меря* и *мари*, видимо, еще М. А. Кастрен, который объяснял форму *меря* как результат славянского искажения самоназвания марийцев [Castrén, 1856, 16]. Позже эти этнонимы сближал — уже без отсылки к славянской передаче, но, к сожалению, и без какого-либо комментария расхождений в вокализме — М. Фасмер [2, 606]. Объяснение М. А. Кастрена, конечно, неприемлемо, как это показал О. Б. Ткаченко [2007, 11], который привел ранние (до- или неславянские) фиксации названия мери у Иордана (VI в.,

⁴ Вообще проблема разграничения марийской и мерянской топонимики еще не вполне решена. Так, в [Матвеев, 2015а] явно ошибочно даются среди мерянских марийские топонимы Кировской области (что, впрочем, нельзя ставить в вину автору, поскольку речь идет о сугубо черновых материалах). Находится в процессе решения и проблема локализации марийско-мерянского пограничья, проходившего, вероятно, по востоку Костромского края и Нижегородчины, где по данным топонимии предварительно восстанавливается ареал своего рода языковой / диалектной непрерывности с промежуточными идиомами, оставившими топонимику бассейна р. Унжа [Смирнов, 2015].

Merens — готская форма Асс. Pl. на *-ens*) и у Адама Бременского (XI в., *Mirri* — латинизированная форма Nom. Pl. на *-i*, попавшая в Западную Европу, по мнению О. Б. Ткаченко, через арабское посредство) и реконструировал **merä*. О. Б. Ткаченко при этом отметил одно очень важное обстоятельство, требующее особого внимания: «... до сих пор не ясно, является ли этноним “меря” самоназванием мерян (в целом или одного из мерянских племен) или так они были названы одним из соседних народов» [Ткаченко, 2007, 11].

Сомнения О. Б. Ткаченко имеют право на существование, однако реальных аргументов в пользу того, чтобы предполагать в *меря* именно экзоэтноним, мы не видим. О том, что слово *меря* было самоназванием, возможно, свидетельствует замеченный А. К. Матвеевым параллелизм в образовании ойконимов с использованием этого онима в мерянской (типа *Локсомерь*, д.) и онима *мари* в марийской (*Кукмарь*, *Лумарь*, дд. и др.) традиции, не имеющий хороших аналогов у других финно-угров [Матвеев, 2015а, 44] (см. также ниже). Кроме того, следует иметь в виду системность употребления имени *меря* в русских источниках, его однозначное этнонимическое значение и привязку к ИМЗ, равно как использование именно этого этнонима для обозначения населения ИМЗ в других письменных источниках начиная с Иордана. Эти аргументы, на наш взгляд, дают достаточные основания видеть в *меря* самоназвание. В дальнейшем изложении мы исходим из этой версии, и, думается, наши выводы также подтверждают ее.

Анализ этнонимии, в особенности основных этнонимов, которых по определению не может быть много, представляет собой непростую задачу; обоснованность любых толкований всегда будет оставаться достаточно низкой (в сравнении с результатами изучения хорошо собранной топонимии). Здесь исследователь вынужден балансировать между необходимостью системного подтверждения своих предположений и неизбежной единичностью анализируемых явлений. Думается, однако, что по аналогии с топонимией системность в исследовании этнонимии также необходима и возможна: этимология и версия о происхождении этнонима становятся более фундированными, когда он вписан в некоторую систему, где перестает быть единичным явлением, а оказывается во взаимодействии с другими. Какова может быть природа такой системности?

Во-первых, это включенность этнонима в определенную языковую (морфологическую) модель: ср. морфологическое оформление славянских племенных названий на *-ичи* и *-яне* (*вятичи*, *дреговичи*, *поляне*, *древляне* и др.) или удмуртские воршудные имена на *-Са* (*Пурга*, *Эгра*, *Какся*, *Венья* и др.). Во-вторых, возможна географическая модель номинации — типологическая (многочисленные «окраинные» народы: *украинцы*; *персы* ~ ав. *prǣsu-* ‘бок’; *анты* ~ осет. *ændæ* ‘край, конец’; *lappi* ~ фин. *lappi* ‘сторона, край’; и др.) или ареальная, отражающая в этнонимии привязку к определенным географическим объектам, традиционную для данного культурного ареала: ср. большинство названий русских этнотерриториальных групп по городским центрам (*тверичи*, *вятчане*,

вологодцы, архангелогородцы и др.); названия групп коми или хантов по рекам (*изъватас, удораса, вах-ях, ас-ях* и т. д.) и др. В-третьих, наконец, возможна и этноисторическая система, отражающая этноязыковые связи и взаимодействия, в ходе которых складывалась этнонимия той или иной территории (ср.: происхождение названий *Русь* (> *русский*), фин. *Ruotsi* ‘Швеция’, коми *роч* ~ удм. *жуч* в конечном счете из древнешведского; взаимодополняющие праславянские **словѣне* и **нѣмьцы*; саамско-финско-балтская система **sāme* ~ *hāme* ~ *zemgaļi* ~ *žemaitē* < балт. **žeme* ‘земля; низменность, прибрежные земли’, обнаруживающая общий древний (прото)балтский субстрат на прибрежных территориях от Литвы до Финляндии, и т. п.).

Применительно к первой из названных моделей системности этнонимов О. Б. Ткаченко предлагал видеть в сходных окончаниях этнонимов *вадьа* (само-название вожан), *эрзя*, *мокша* и *меря* некий «архаический <финно-угорский. — В. Н., А. С.> структурный тип» [Ткаченко, 2007, 12]. Однако нельзя не заметить, что речь идет в общем-то об отдельных, довольно произвольно вырванных из историко-географического контекста и имеющих разные этимологии этнонимах (*вадьа* — самоназвание, заимствованное в конечном счете из балтского; *эрзя* — самоназвание иранского происхождения; *мокша* — изначально гидроним неясного происхождения, давший название народу). Следует иметь в виду, что названия *меря* и *мурома* входят в круг (древне)русских экзоэтнонимов на -а, которые первоначально также могли быть очень разными по происхождению (*корѣла* — заимствование из самоназвания *karjala*; *лутва* — заимствованное балтское (?) название территории; *югра* — заимствованный из пермского экзоэтноним; *мордва* — русское новообразование от основы **mord-*, зафиксированной у Иордана и Константина Багрянородного и др.). Наличие целой серии таких старых этнонимов привело к выработке модели именования соседних народов с суффиксоидом -а по крайней мере с XII в. (*зимѣгола, лѣтьгола*) и вплоть до XV–XVI вв. (*черемиса, чуваша*) — нельзя исключать, что такая модель влияла уже на оформление этнонима *меря* в древнерусском. Поэтому предположение О. Б. Ткаченко вряд ли имеет основания, и говорить в этом смысле о системности онимов *меря* и *мурома* в плане их этимологии за пределами (древне)русского языка не приходится.

Географическая система в толковании этнонимов *меря* и *мурома* также вряд ли может помочь, поскольку неясны их этимологии и нет оснований привязывать их к каким-либо географическим объектам⁵. Остается, таким образом, возможность только третьей — этноисторической — системной интерпретации данных этнонимов: можно ли связать их с какими-то этническими и языковыми

⁵ Чисто историографический интерес представляет версия А. Л. Погодина о связи *меря* с фин. *meri* ‘море’, поскольку меряне жили по берегам больших озер [см.: Фасмер, 2, 660; Ткаченко, 2007, 11]. Название города *Муром*, очевидно, вторично по отношению к *мурома*.

контактами, в которые в древности были вовлечены соответствующие группы? Если они могут быть сведены к одному прототипу, то, соответственно, могут иметь общую этимологию, которая давно предложена для *мари* ‘мариец; муж’: из ар. (возможно, ср.-иран.) **marya-* (> др.-инд. *márya-* ‘юноша, молодой человек, жених’ и др.) [Munkácsi, 1901, 456; Joki, 1973, 280]⁶ — и, таким образом, ложится в ряд иранских по происхождению финно-угорских эндоэтнонимов бассейна Волги (сюда еще *эря*, *удмурт*, а также экзоэтноним *мордва*).

Самоназвание марийцев (мар. л. *marij*, г. *marê*, с.-з. *marë* ‘мариец; муж’, ср. также в наречном употреблении мар. л., г., с.-з. *mar-la* ‘по-марийски’) при прямолинейном подходе к реконструкции должно быть восстановлено как ПМар. **marê*, что само по себе чрезвычайно проблематично. Дело в том, что соответствие *a ~ a* в первом слоге между восточными и западными (горным и северо-западным) марийскими наречиями отражает предковый **a* лишь в лексике очень позднего происхождения. Прежде всего речь идет о кыпчакских заимствованиях, которые попадали к марийцам в послемонгольский период. Согласно новой реконструкции марийского вокализма (см. прим. 3 выше), в подсистеме прамарийских гласных первого слога **a* вовсе отсутствовал, а упомянутые заимствования проникали уже в общемарийский диалектный континуум после распада праязыка.

В свете сказанного до сих пор не имел решения вопрос об очевидно старой лексике в марийском, демонстрирующей на поверхностном уровне то же междиалектное соответствие *a ~ a* (ср. недавний обзор проблемы в [Holorainen, 2019, 135–137]). Естественно предположить, что в этих случаях *a* развивается из какой-то другой фонемы в особых фонетических условиях (учитывая диахронические тенденции в марийской фонетике, это, как правило, консонантный контекст). По своему качеству ближайшими к **a* прамарийскими фонемами были **ɔ* (= **â* в традиционной нотации) и **ä*. ПМар. **ɔ* является базовым (не обусловленным контекстом) продолжением ПУ **a*, **o*, а в особых контекстах также **e* [Saveljev, 2022, 32]. Фонема **ä* в первом слоге исконных источников не имеет, но она была достаточно рано интродуцирована в язык-предок марийского — по-видимому, вместе с заимствованиями прежде всего из среднеиранского источника [ср.: Culver, 2022].

Ввиду отсутствия среднего **a* в подсистеме прамарийского вокализма первого слога ранние заимствования, вероятно, демонстрировали субституцию «иностранноязычный **a* > ПМар. **ä*». Об этом свидетельствуют, в частности, болгарские заимствования домонгольского периода типа мар. л. *кава* ‘небо, небосвод’. Поскольку мар. л. *a* регулярно восходит к предковому **ä*, то неизбежна

⁶ К такому выводу относительно *меря* и *мари* склонялся и А. К. Матвеев, отмечавший не только сходство языков, но и исторические связи между обоими народами, хотя этимологически обосновать близость этнонимов ему не удалось [Матвеев, 2015а, 42–44]. [Там же] см. о предположениях некоторых других авторов по поводу параллели *меря ~ мари*.

реконструкция ПМар. **käβä*, что, в свою очередь, является адаптацией раннего булг. **хар-а* ‘покрытие’ < ПТюрк. **qap-aq* (имя по продуктивной модели от **qap-* ‘покрывать’). Аналогичная закономерность отмечается и в наиболее ранних кыпчакских заимствованиях в марийском, ср. случаи типа мар. л. *ašlam* ‘прибыль, барыш’, г. *äšlām* ‘общественные работы, помочи’, что указывает на ПМар. **äslām* с передней огласовкой при заднерядном вокализме в языке-источнике (тат. *aslam*). При экстраполяции этих наблюдений на еще более ранний уровень можно предполагать, что источник типа **marya-* был бы заимствован в прамарийский (а скорее даже в общий язык-предок марийского, мерянского и муромского) как **märə*⁷.

Но как совместить реконструкцию предковой переднерядной формы **märə* и без исключений заднерядную огласовку данного этнонима в марийских наречиях? Ведь, как известно, в общем случае ПМар. **ä* сохраняется в горном и северо-западном марийском. Текущий пересмотр марийской исторической фонетики показывает, что соответствие *a ~ ä* между луговым и горным марийским в части случаев берется из ПМар. **ɔ* в палатализирующем окружении, а также (!) из ПМар. **ä* в веляризирующих контекстах⁸. С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что сочетание *mär-* западномарийским наречиям вовсе неизвестно⁹. Есть лишь еще один пример, где можно было бы ожидать появления *mär-*, но в нем опять же находим *mar-* повсеместно: мар. л., г. (!), с.-з. *mardež* ‘ветер’. Этимология данного слова неясна, но новым заимствованием — ввиду отсутствия возможного источника в соседних языках — оно быть не может; следовательно, оказывается неизбежной реконструкция ПМар. **märdež*. Таким образом, можно предполагать западномарийское развитие **ä > a* в позиции между *m* и *r* (веляризирующее действие обоих согласных вполне ожидаемо с типологической точки зрения). Развитие рассматриваемого этнонима в марийском можно

⁷ Вероятно, впервые обоснование реконструкции первоначальной формы самоназвания марийцев (и мери) с **ä* было предложено М. Жираи, который обратил внимание на появление *ä* в западных диалектах марийского (прежде всего в горном) при *a* в лугово-восточных в словах, где есть основание реконструировать древнее **ä*, и высказал идею о том, что мерянский, как самая западная ветвь марийско-мерянской общности, сохранил **ä* в этнониме [Zsirai, 1937/1994, 275]. По сути дела, М. Жираи предвосхитил предлагаемую здесь реконструкцию прамарийского (и прамарийско-мерянского) вокализма.

⁸ Ср., в частности, случаи перед ретрофлексным **č*: в горномарийском сочетание *-äč-* вообще не встречается, зато рекуррентно соответствие мар. л. *a ~ ä* в позиции перед ПМар. **č*. Это позволяет реконструировать исторически передний вокализм и предполагать развитие ПМар. **ä > a* мар. г. *a* (в отличие от стандартного рефлекса — мар. г. *ä*) для основ типа ПМар. **päč-äs* ‘ряд, слой’ > мар. л., г. *pačaš* (но ср. мар. с.-з. *päčäs* с архаичным передним вокализмом); ПМар. **jäčə-* ‘тянуть, вытягивать’ > мар. л. *jač-a* ‘тягучий’, *jač-älyä-* ‘вытягиваться’, г. *jač-aka* ‘тягучий’; ПМар. **läčə* ‘сизоворонка, ракша’ > мар. л. *lačə*, г. *läčə*.

⁹ В северо-западном наречии исключения составляют случаи перед *j*: *märjä-* ‘марать’ (< русская императивная основа *марай-*), *märjä-škä* ‘гриб обабок’ (видимо, из рус. *марля* в связи с характерным трубчатым гименофором; ср. мар. л. *marla=rapka*, *marla=pongö* ‘сыроежка’, образованное по той же модели).

обобщить следующим образом: **mārə* в мари́йско-мерянском праязыке¹⁰ > ПМар. **mārə* > мар. повсем. *marV* с переходом **ä* > *a*, происходившим в лугово-восточном наречии по умолчанию, а в горном и северо-западном — в результате позиционно обусловленной веляризации.

По-видимому, прототип **mārə* практически напрямую отражается в этнониме *меря*. На переднюю огласовку в нем указывают и наиболее ранний задокументированный вариант *Merens* (Иордан, VI в.) < гот. Acc. Pl. **merjans* < Nom. Sg. **merja* / **meri*, и варианты из русских источников — *мерьский язык* (Житие св. Леонтия), *меряны* (Устюжский летописный свод) и т. д. [Матвеев, 2015а, 40, 49–50]. Фонетически более точным способом передачи мер. **mārə* в русском могло бы быть ***мяря*, но закрепление варианта *меря* объяснимо диссимилиацией в слове с двумя *я* и артикуляционно сложными даже для русского языка мягкими *м'* и *р'*¹¹.

Наконец остановимся на этнониме *мурома*. Как и этноним *мари*, традиционно он восстанавливался в заднерядной огласовке, однако исторически переднерядные соответствия в мерянском и, как теперь показано, в мари́йском, несомненно, требуют учета. Теоретически реконструкция заднерядной формы типа **murəma* все же не может быть исключена, однако она не очень вероятна с точки зрения типологии фонетических изменений — при **mārə* в близкородственных языках. В связи с этим необходимо рассмотреть возможность реконструкции вида **mürəmä*. Адаптация этого этнонима как *мурома* на русской почве могла бы быть обусловлена нехарактерностью сочетания #*мю*- для русской фонотактики.

Данное решение предполагает развитие мар.-мер. **mārə* > муром. **mürə*, что находит почти точную параллель в развитии мар.-мер. **jäyr* / **jeyr* ‘озеро’ (мар. *jer*, мер. **jäxr* / **jäyr* > *яxp-/яgp-* в русской топонимии) > муром. **jüxr* (> *юxp-* в русской топонимии нижнеклязьминского региона, см. рис. 2, 3) и отражает ту же тенденцию к переходу переднего широкого неогубленного гласного в узкий огубленный. Таким образом, можно сформулировать закон о развитии мар.-мер. **ä*, **e* > муром. **ü*, по крайней мере в части контекстов.

Остается объяснить сегмент *-ма* в *мурома*. Он очень распространен в топонимике Центральной России, но имеет, по-видимому, неоднородное происхождение. В гидронимике исторических мерянских земель *-(V)ма* в большинстве случаев, по-видимому, отражает рефлекс уральского проприетивного аффикса (‘имеющий

¹⁰ Название *мари́йско-мерянский* представляется наиболее уместным: оно достаточно кратко, а муромской язык можно пока объединять с мерянским(и) если не лингвистически (мы слишком мало о нем знаем), то хотя бы по историческим судьбам.

¹¹ Ср., однако, гидроним и ойконим *Мяря* в районе г. Выкса. Здесь речь может идти о мерянском названии на нижнеклязьминской (муромской) территории, а отличающуюся от типичной — и точнее отражающую мерянскую фонетику — адаптацию этнотопонима, образованного от названия мери, можно объяснить как раз периферийным, даже островным, расположением объектов с данным названием по отношению к основному мерянскому ареалу, что обеспечило отсутствие влияния письменной формы *меря* и сохранение диалектной, более близкой к мерянскому оригиналу огласовки.

Х?) *-ηA [Aikio, 2022, 19]¹². Однако применительно к этнониму *мурома* проприетивная интерпретация вряд ли имеет смысл.

Вместо этого можно предполагать хоронимическое происхождение этнонима **mürə-mä* / **mürə-ma*, усматривая здесь сложение с рефлексом ПУ **mexi* ‘земля’ (в традиционной реконструкции **maɣe*), имеющее значение типа ‘мюрьская земля’ [ср.: Напольских, 2018, 12]. В марийском эта основа продолжается как **müw*. Она не сохранилась в чистом виде, но известна в глагольных производных **müw-δə-*, **müw-lə-* ‘закапывать, зарывать’, а также как первый элемент сложения **müw-ləndə* ‘земля’ (**ləndə* ‘низменность, долина’). При этом по крайней мере единожды ПМар. **müw* встречается и как второй элемент композита, и в этой позиции наблюдается выпадение глайда и раскрытие гласного в -а: л., г., с.-з. *ošta* ‘песок’ < **ô(w)šma* — явно сложение **ô(w)šə* ‘белый’ и **müw* ‘земля’¹³. Если это старое развитие, то аналогичное расширение гласного в слове ‘земля’, выступающем в качестве второго элемента сложения, можно предполагать и в муромском **mürə-mä* или даже **mürə-ma* (поскольку предполагать систему сингармонизма для муромского языка необязательно).

Таким образом, можно реконструировать общее самоназвание марийцев, мери и муромы: мар. **märə*, мер. **märə*, муром. **mürə* < **märə*, которое, как уже было сказано, принято возводить к рефлексу ар. **marya-* ‘юноша, молодой воин, член молодежного воинского союза’¹⁴. Здесь вновь следует вспомнить подмеченную А. К. Матвеевым (см. выше) параллель между нетривиальными употребленными этнонимов *меря* и *мари* в качестве детерминантов топонимов (-*мер/-мерь* и -*мар/-мор* соответственно). Топонимы на -*мер(ь)* распространены на исторических мерянских землях, а на -*мар/-мор* — помимо современной марийской территории [Матвеев, 2015а, 44], по крайней мере также в Чувашии [Федотов, 1990, 12–13] и на севере Татарстана (в частности, ср. название города *Кукмор*).

¹² По-видимому, мерянские данные указывают на вариант с консонантным исходом (как в марийском проприетивном *-An), поскольку именно в ауслатной позиции типологически более ожидаемым было бы развитие типа *-Vŋ > *-Vm (возможно, диалектное, поскольку на мерянской территории встречаются и гидронимы на -*нга*, -*ньга*). В таком случае конечный гласный в -(V)ma — результат выравнивания речных названий по грамматическому роду русского слова *река*. Ср. такие показательные случаи, как многочисленные названия рек *Яхрома* < мер. **jəχr-əm*, букв. «Озерная», а также *Пустома* < мер. **pist-əm*, букв. «Липовая», и т. п.

¹³ Не имея возможности детально обсуждать здесь историческую систему количества звука и счета мор в марийском, тем более что используемые формулировки предварительны, а детали ее еще нуждаются в уточнении, отметим, что данное слово — лишь один из множества случаев, иллюстрирующих тенденцию к раскрытию гласного в третьей мере трехморных основ. Ср. случаи типа ПУ **jä.n.ti.ŋi* > ПМар. **ji..də.ŋ* ‘струна’, ПУ **ku.m.ta* > ПМар. **ko.m.ða* ‘широкий’ и т. д. В общем же случае в непервых слогах прамарийских основ уральского происхождения наблюдается шва, а не гласный полного образования.

¹⁴ В финно-угроведческой литературе арийская этимология самоназвания марийцев известна давно (см. выше), но рассмотрена весьма поверхностно. На самом деле имеет место проблема конкретного арийского источника данного этнонима, связанная с оценкой времени и обстоятельств его заимствования, которую мы намерены обсудить в специальной статье.

Реконструкция общего для марийцев, мери и мурома этнонима **mārā* служит сильнейшим аргументом в пользу близости языков марийско-мерянской группы, более того, указывает на тесные этнические связи носителей этих языков и их общее происхождение.

Источники

Getica — Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетей, 1997.

Исследования

- Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 22–36.
- Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 15–34.
- Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопросы языкознания. 2001а. № 5. С. 32–59.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001б ; Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004 ; Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007а ; Ч. 4 : Топонимия мерянского типа / сост., науч. ред. О. В. Смирнов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015а.
- Матвеев А. К. К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера // Вопросы ономастики. 2007б. № 3. С. 14–27.
- Матвеев А. К. Меря и мерянский язык / подгот. текста Т. Н. Дмитриевой // Не просто прожитая жизнь. Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях / сост. и отв. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015б. С. 157–169.
- Напольских В. В. Прорыв в исследовании мерянской проблемы // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 2. С. 177–189. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.024
- Напольских В. В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 1. С. 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
- Смирнов О. В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 7–61.
- Ткаченко О. Б. Исследования по мерянскому языку. Кострома : Инфопресс, 2007.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986.
- Федотов М. П. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск : Изд-во Сарат. ун-та : Саран. фил., 1990.
- Яковлева В. К проблеме мещеры // Финно-угроведение. 1999. № 4. С. 34–44.
- Aikio, 2022 — *Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Aikio A.)*. Proto-Uralic // The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford, UK : Oxford Univ. Press, 2022. P. 3–27.
- Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tschermassischen (Mari). Der einheimische Wortschatz // Zusammenarbeit mit K. Agyagási / Hrsg. von K. Agyagási, E. Winkler. Wiesbaden : Harrasowitz Verl., 2013. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 86).
- Castrén M. A. Nordische Reisen und Forschungen. Bd. 2 : Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 / Hrsg. von A. Schiefner. St Petersburg : Akademie der Wissenschaften, 1856.

- Culver C.* Iranian evidence for the reintroduction of **ā* to the pre-Proto-Mari vowel system (Presentation given at Congressus XIII Internationalis Fenno-Ugristarum, 23 August 2022). URL: https://www.academia.edu/85515362/Iranian_evidence_for_the_reintroduction_of_%C3%A4_to_the_pre_Protomari_vowel_system (date of access: 21.08.2023).
- Holopainen S.* Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion (Doctoral dissertation). Helsinki : University of Helsinki, 2019.
- Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1973. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; vol. 151).
- Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1901.
- Ravila P.* Besprechung von [Vasmer, 1935] // Finnisch-ugrische Forschungen. 1940. Bd. 26, Ht. 1. Anzeiger. S. 19–26.
- Saarikivi J.* The divergence of Proto-Uralic and its offspring. A descendent reconstruction // The Oxford guide to the Uralic languages / ed. by M. Bakró-Nagy et al. Oxford : Oxford Univ. Press, 2022. P. 28–58.
- Savelyev A.* Mari historical phonology and the areal factor in linguistic reconstruction (Presentation given at the Nostratic Seminar, 24 November 2022, Moscow). URL: https://www.academia.edu/92083940/Mari_historical_phonology_and_the_areal_factor_in_linguistic_reconstruction (date of access: 19.08.2023).
- Savelyev A.* On the fate of Proto-Uralic medial consonants in Mari (Presentation given at the 18th Sergei Starostin Memorial Conference on Comparative-Historical Linguistics, 23 March 2023). URL: https://www.academia.edu/99234367/On_the_fate_of_Protomari_medial_consonants_in_Mari (date of access: 19.08.2023).
- Vasmer M.* Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 1935. Bd. 19. S. 507–594.
- Zsirai M.* Finnugor rokonságunk. 2. kiadás. Budapest : Trezor kiadó, 1994.

Рукопись поступила в редакцию 03.09.2023

Рукопись принята к печати 15.09.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

ав.	авестийский	мер.	мерянский
ар.	арийский (индо-иранский)	муром.	муромской
булг.	булгарский	ПМар.	прамарийский
гот.	готский	ПТюрк.	прагюрский
мар. г.	марийский горный	ПУ	прауральский
мар. л.	марийский луговой	ср.-иран.	среднеиранский
мар. с.-з.	марийский северо-западный	эрз.	эрзянский
мар.-мер.	(пра)марийско-мерянский		

Прочие

повсем. повсеместный

* * *

Напольских Владимир Владимирович

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,

¹ведущий научный сотрудник
топонимической лаборатории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;

²ведущий научный сотрудник Школы
актуальных гуманитарных исследований
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
119606, Москва, пр. Вернадского, 82
E-mail: vovia.nap@ya.ru

Савельев Александр Владиславович

кандидат филологических наук,

¹старший научный сотрудник
топонимической лаборатории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;

²научный сотрудник
Институт языкознания РАН
125009 Москва, Б. Кисловский пер., 1,
стр. 1;
³старший научный сотрудник Института
классического Востока и античности
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4,
стр. 3, корпус «Л»
E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

Napolskikh, Vladimir Vladimirovich

DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences,

¹Leading Research Fellow, Toponymic
Laboratory
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia;

²Leading Research Fellow, School
of Contemporary Humanities Studies
Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President
of the Russian Federation
82, Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russia
E-mail: vovia.nap@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

Savelyev, Alexander Vladislavovich

PhD,

¹Senior Research Fellow, Toponymic
Laboratory
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia;

²Research Fellow
Institute of Linguistics of the RAS
1/1, B. Kislovsky Lane, 125009 Moscow,
Russia;
³Senior Research Fellow, Institute of Classical
Oriental and Antiquity
National Research University Higher School
of Economics
21/4, Staraya Basmannaya Str., Build. 3, block
“L”, 105066 Moscow, Russia
E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8343-2057>

Vladimir V. Napolskikh¹ Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia² Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
Moscow, Russia**Alexander V. Savelyev**¹ Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia² Institute of Linguistics of the RAS³ National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia***MARI, MERYA, MUROMA* — HISTORY OF THE ETHNONYMS
AND RECONSTRUCTION OF THE SUBSTRATE TOPONYMY LANGUAGES**

The old hypothesis on the relatedness of Merya languages (today we can speak about a group of languages or dialects reconstructed on the basis of substrate toponymy of Central Russia: Merya of Rostov, Merya of Kostroma, and Merya of Murom also known as “Lower Klyazma” Merya) with the Mari (Cheremis) language has been reliably proven in the works of A. K. Matveyev, O. V. Smirnov and others. The authors contribute to the ongoing discussion in this area and argue that the new reconstruction of Proto-Mari vocalism based on the history of Mari-Turkic contacts undoubtedly supports this hypothesis. The article suggests a version of the Stammbaum of Finno-Permian languages, including the Mari-Merya group and some other extinct Finno-Permian languages, reconstructed on the basis of substrate toponymic data. However, since the results of the analysis of substrate toponymy are naturally debatable to a certain extent, the authors propose to turn to the analysis of ethnonymy. The long-noted (by M. A. Castrén) similarity of the ethnonyms *Mari*, *Merya*, and *Muroma* is considered, suggesting them to be self-names of the respective ethnic groups. The reconstruction of the Mari historical vocalism (as well as features of the vocalism of the Merya and Muromian languages that can be extracted from toponymic materials) delivers the proto-forms Mari **märə*, Merya **märə*, Muromian **mürə*, going back to the proto-form **märə*. The latter is proposed to regard (as it is now common in the Finno-Ugric studies) as some reflex of Aryan **marya-* ‘young man, warrior, member of youth war community’ (the authors are going to devote a special article to the problem of the Aryan source of this ethnonym). The reconstruction of the common Mari–Meryan–Muromian auto-ethnonym **märə* is not only a strong argument for the relatedness of these languages, but also indicates to close relations between the respective ethnic groups and their common origin.

Key words: substrate toponymy; ethnonymy; Merya language; Mari (Cheremis) language; *Merya*; *Mari*; *Muroma*; Finno-Permian languages

Acknowledgements

The grant of Russian Science Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguo-cultural History of the European Russia* (<https://rscf.ru/project/23-18-00439/>) is gratefully acknowledged.

- Ahlqvist, A. (1997). Merianskaia problema na fone mnogosloinosti toponimii [The Merya Problem Against the Background of Multi-layered Toponymy]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 22–36.
- Ahlqvist, A. (2000). Meriane, ne meriane... (I) [Merya, non-Merya. 1]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 15–34.
- Bereczki, G. (2013). *Etymologisches Wörterbuch des Tschermassischen (Mari). Der einheimische Wortschatz*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag.
- Castrén, M. A. (1856). *Nordische Reisen und Forschungen* (Vol. 2). St Petersburg: Akademie der Wissenschaften.
- Culver, C. (2022). *Iranian Evidence for the Reintroduction of *ä to the Pre-Proto-Mari Vowel System* (Presentation given at Congressus XIII Internationalis Fenno-Ugristarum, 23 August 2022). Retrieved from https://www.academia.edu/85515362/Iranian_evidence_for_the_reintroduction_of_ä_to_the_pre_Protomari_vowel_system (accessed on 21 August 2023).
- Fedotov, M. R. (1990). *Chuvashsko-mariiskie iazykovye vzaimosvazi* [Chuvash-Mari Language Relations]. Saransk: Saratov University Press.
- Holopainen, S. (2019). *Indo-Iranian Borrowings in Uralic: Critical Overview of Sound Substitutions and Distribution Criterion* (Doctoral dissertation). Helsinki: University of Helsinki.
- Joki, A. J. (1973). *Uralier und Indogermanen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.
- Luobbal Sámmol Sámmol, Ánte (Aikio, A.). (2022). Proto-Uralic. In M. Bakró-Nagy, J. Laakso, & E. Skribnik (Eds.), *The Oxford Guide to the Uralic Languages* (pp. 3–27). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Matveyev, A. K. (2001a). Merianskaia problema i lingvisticheskoi kartografirovaniye [The Merya Problem and Linguistic Mapping]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 32–59.
- Matveyev, A. K. (2001b, 2004, 2007a, 2015a). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–4). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Matveyev, A. K. (2007b). K probleme klassifikatsii iazykov substratnoi toponimii Russkogo Severa [On the Problem of Classification of Languages of Substrate Toponymy of the Russian North]. *Voprosy onomastiki*, 3, 14–27.
- Matveyev, A. K. (2015b). Meria i merianskii iazyk [Merya and the Meryan Language]. In T. V. Matveyeva (Ed.), *Ne prosto prozhitaia zhizn'. Biografiia A. K. Matveeva v dokumentakh i vospominaniiaakh* [A Life Full of Hardships: A. K. Matveyev's Biography in Documents and Memoirs] (pp. 157–169). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Munkácsi, B. (1901). *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben* (Vol. 1). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Napolskikh, V. V. (2016). Proryv v issledovanii merianskoi problem [Breakthrough in the Research of the Merya Problem]. *Voprosy onomastiki*, 2(13), 177–189. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.024
- Napolskikh, V. V. (2018). Etnolingvisticheskaiia situatsiia v lesnoi zone Vostochnoi Evropy v pervye veka nashei ery i dannye “Getiki” Iordana [Ethno-Linguistic Situation in the Forest Zone of Eastern Europe in the First Centuries AD and the Data of Jordanes' *Getica*]. *Voprosy onomastiki*, 1(15), 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
- Ravila, P. (1940). Besprechung von [Vasmer, 1935]. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 26(1), Anzeiger, 19–26.

- Saarikivi, J. (2022). The Divergence of Proto-Uralic and its Offspring. A Descendent Reconstruction. In M. Bakró-Nagy et al. (Eds.), *The Oxford Guide to the Uralic languages* (pp. 28–58). Oxford: Oxford University Press.
- Savelyev, A. (2022). *Mari Historical Phonology and the Areal Factor in Linguistic Reconstruction* (Presentation given at the Nostratic Seminar, 24 November 2022, Moscow). Retrieved from https://www.academia.edu/92083940/Mari_historical_phonology_and_the_areal_factor_in_linguistic_reconstruction (accessed on 19 August 2023).
- Savelyev, A. (2023). *On the Fate of Proto-Uralic Medial Consonants in Mari* (Presentation given at the 18th Sergei Starostin Memorial Conference on Comparative-Historical Linguistics, 23 March 2023). Retrieved from https://www.academia.edu/99234367/On_the_fate_of_Prot-Uralic_medial_consonants_in_Mari (accessed on 19 August 2023).
- Smirnov, O. V. (2015). “Mariiskaia” gipoteza v issledovanii toponimii Oki i Unzhi i zapadnye granitsy drevnemariiskoi toponimii [The “Mari” Hypothesis in the Study of the Toponymy of the Oka and Unzha Rivers and the Western Borders of the Old Mari Toponymic Area]. *Voprosy onomastiki*, 2(19), 7–61.
- Tkachenko, O. B. (2007). *Issledovaniia po merianskomu iazyku* [Studies in the Meryan Language]. Kostroma: Infopress.
- Vasmer, M. (1935). Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*, 19, 507–594.
- Vasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of Russian Language] (Vols. 1–4). 2nd ed. Moscow: Progress.
- Yakovleva, V. (1999). K probleme meshchery [On the Problem of Meshchera]. *Finno-ugrovedenie*, 4, 34–44.
- Zsirai, M. (1994). *Finnugor rokonságunk* (2nd ed.). Budapest: Trezor kiadó.

Received on 3 September 2023
Accepted on 15 September 2023